3433

Сулимов Н.Ф.
Тур в народной словесности

3433

ТУРЪ

ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Ѳ. Сумцова.

Изданіе редакціи «Кіевской Старины».

448738

№ 3433
19 10/XII 35 р

КІЕВЪ.
Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.
1887.

ТУРЪ ВЪ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

I.

Историко-зоологическія свѣдѣнія о турѣ.

Въ древности въ Европѣ жили двѣ породы дикихъ быковъ: зубръ (bos priscus) и туръ (bos primigenius). Зубръ до сихъ поръ сохранился въ Бѣловежской пущѣ, въ гродненской губерніи. Бѣловежская пуща—громадный сплошной лѣсъ или лѣсной островъ, отдѣленный отъ другихъ лѣсовъ Литвы селеніями и обработанными полями. Правительство заботливо охраняетъ зубровъ. Лѣсная стража ежегодно провѣряетъ ихъ число, заготовляетъ для нихъ на зиму сѣно, уничтожаетъ хищныхъ животныхъ. За умышленное убійство зубра виновный судится, какъ за уголовное преступленіе. Туръ принадлежитъ къ числу совершенно вымершихъ большихъ травоядныхъ животныхъ, и память о немъ сохранилась въ мѣстныхъ названіяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ.

О зубрѣ писали много [1]), и самого зубра можно видѣть въ лучшихъ европейскихъ зоологическихъ садахъ. О турѣ писали мало, и всѣ свѣдѣнія о внѣшнемъ видѣ и образѣ жизни тура мы почерпаемъ изъ старинныхъ книгъ, изъ замѣчаній, оброненныхъ мимоходомъ древними писателями.

Плиній говоритъ: «Скиѳія очень бѣдна животными и въ Германіи ихъ немного; но замѣчательны два вида дикихъ быковъ, именно, украшенный гривою бизонъ и отличающійся силою и бы-

---

[1]) *Усовъ*, „Зубръ“ (монографія); *Brehm*, Thierleben, II, и др.

стротою уръ». Плиній прибавляетъ къ этому, что несвѣдущій народъ называетъ уровъ буйволами» (bubalus).

Сенека говоритъ: «пестрые тигры даютъ тебѣ перси, мохнатые бизоны и дикіе уры съ широкими рогами хребты». Сенека здѣсь ясно различаетъ бизоновъ и уровъ чертами, характерными для обоихъ животныхъ.

У Марціала въ одномъ стихѣ поставлены рядомъ бизонъ и уръ, но послѣдній подъ именемъ bubalus: illi cessit atrox bubalus atque bison.

Юлій Цезарь въ своемъ сочиненіи De bello Gallico, въ описаніи Герцинскаго лѣса, говоритъ объ урѣ.

Сентъ-галенскій монахъ Экгартъ, умершій въ 1070 г., перечисляя мясную пищу, которую употребляли въ его монастырѣ, указываетъ на wizent и ur, какъ на двухъ разныхъ животныхъ [1]).

Существованіе тура въ Россіи, преимущественно, южной и западной, подтверждается многими свидѣтельствами, русскими и польскими. Въ поученіи Владиміра Мономаха, вставленномъ въ Лаврентьевскую лѣтопись подъ 1096 г., а составленномъ, по вѣроятному соображенію Погодина, въ 1099 г. [2]), находится слѣдующее выраженіе Владиміра: «Тура мя два метали на розѣхъ и съ конемъ» [3]). Изъ поученія видно, что мѣстомъ охоты на тура въ данномъ случаѣ были лѣса нынѣшней черниговской губерніи. Эпитетъ Всеволода въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» «яръ-туръ» получаетъ особенную силу и значеніе, если принять во вниманіе отзывы Плинія, Сенеки и Марціала объ урѣ, какъ о животномъ сильномъ, быстромъ и жестокомъ. Выраженіе храбрости воина посредствомъ сравненія его съ туромъ, можно думать, было довольно обычно въ древности, можетъ быть, было общимъ эпическимъ выраженіемъ. Въ началѣ Волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку, въ характеристикѣ кн. Романа Галицкаго, сохранившей обрывки древнихъ поэтическихъ мотивовъ, находится выраженіе: «храборъ бо бѣ, яко и туръ» [4]).

---

[1]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 82—83.

[2]) *Извѣстія* Акад. Наукъ, т. X, вып. 3.

[3]) *Лѣтопись*, изд. 1872 г., стр. 24 .

[4]) *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 43.

Матвѣй Мѣховскій въ трактатѣ о Сарматіяхъ 1521 г. говоритъ о дикихъ быкахъ или турахъ, какъ животныхъ, водившихся въ литовскихъ лѣсахъ [1]). Послѣ трактата Мѣховскаго въ исторіи знаній, относящихся къ міру животныхъ восточной Европы, замѣтно выступаетъ сочиненіе Іовія. Іовій замѣчаетъ, что въ Литвѣ, въ той ея части, которая примыкаетъ къ Пруссіи, водились туры (uri ingentes et ferocissimi taurorum specie). Повидимому, Іовій смѣшивалъ тура съ зубромъ, потому что послѣ приведенной фразы замѣчаетъ: quos Bisontes vocant [2]). Найболѣе цѣнныя извѣстія о турѣ находятся въ Запискахъ Герберштейна о Московіи. Изъ подробнаго описанія зубра и тура у Герберштейна видны особенности того и другаго. «Кромѣ тѣхъ звѣрей, которыя водятся въ Германіи, говоритъ Герберштейнъ, Литва имѣетъ еще бизонтовъ (bisons), буйволовъ (urus), лосей (alce), которыхъ иные называютъ онаграми, лѣсными лошадьми. Бизонта литовцы называютъ на своемъ языкѣ зубромъ, германцы неправильно зовутъ его Aurax или Urax... Бизонты съ гривой; шея и плечи ихъ косматыя; борода, висящая съ подбородка; волоса пахнутъ мускусомъ; голова короткая: глаза большіе, впалые, какъ-бы пылающіе; лобъ широкій... Спина зубра приподнимается въ видѣ горба, такъ что передняя и задняя части животнаго ниже середины». Далѣе слѣдуетъ описаніе охоты на зубра. «Буйволы, продолжаетъ Герберштейнъ, водятся только въ одной пограничной съ Литвой Мазовіи. На туземномъ языкѣ называются турами, а у германцевъ настоящее имъ имя Urox. Это въ самомъ дѣлѣ лѣсные быки, нисколько не отличающіеся отъ домашнихъ быковъ, развѣ только тѣмъ, что всѣ они черны и имѣютъ черную съ бѣлымъ полосу вдоль хребта. Ихъ не очень много, и на нѣкоторыя деревни возложены уходъ и присмотръ за ними; наблюдаютъ за ними почти такъ же, какъ въ какихъ-нибудь звѣринцахъ. Они случаются съ домашними коровами, но это сопровождается дурными послѣдствіями для нихъ, ибо потомъ прочіе буйволы не допускаютъ ихъ въ стадо, какъ обезчестившихся (infames); да и телята, рождающіяся отъ этого смѣшенія, не живучи. Король Сигизмундъ Августъ подарилъ мнѣ, когда я былъ у него

---

[1]) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 269.

[2]) Тамъ-же, стр. 277.

посломъ, одного выпотрошеннаго буйвола, котораго добили охотники, когда онъ полуживой былъ выгнанъ изъ стада; у него была вырѣзана кожа, которая покрываетъ лобъ, и я думаю, что это сдѣлано было не даромъ... Извѣстно, что пояса, сдѣланные изъ буйволовой кожи, цѣнятся дорого, и въ народѣ вѣрятъ, что опоясываніе ими помогаетъ въ родахъ. По этой причинѣ королева Бона, мать Сигизмунда Августа, подарила мнѣ два такихъ пояса, изъ которыхъ одинъ благосклонно приняла въ подарокъ отъ меня моя пресвѣтлѣйшая государыня, королева римская» [1]). Въ другомъ мѣстѣ Герберштейнъ говоритъ, что самогиты употребляли буйволовы рога вмѣсто чашъ [2]).

Лаврентій Сурій, писатель половины XVI в., говоритъ: «заблуждаются тѣ, которые уровъ зовутъ бизонами, ибо бизоны многимъ отличаются отъ уровъ [3]).

Блэзъ де Виженеръ въ «La Description du Royaume de Poloigne» 1573 г. упоминаетъ о турахъ, причемъ руководствуется Записками Герберштейна. Блэзъ де Виженеръ говоритъ, что туры отличались отъ домашнихъ быковъ величиной, уступая въ этомъ отношеніи только слонамъ. Цвѣтъ ихъ черный, съ бѣлой полосой на хребтѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ держали въ большихъ деревянныхъ оградахъ или паркахъ, что вполнѣ согласуется съ показаніями Герберштейна [4]).

Граціанъ де Бурго, конца XVI ст., также упоминаетъ объ урахъ и бизонахъ.

Нѣмцевичъ издалъ въ 1821 году дневникъ Муканте, бывшаго секретаремъ папскаго нунція при польскомъ дворѣ въ 1595 году. Здѣсь Муканте говоритъ, что онъ посѣтилъ большой королевскій паркъ близъ Варшавы, гдѣ были бизоны и туры.

Воевода Остророгъ, писавшій въ XVI ст. многія сочиненія, касающіяся охоты и сельскаго хозяйства, написалъ руководство къ устройству охотничьихъ парковъ, гдѣ совѣтуетъ не содержать въ одномъ и томъ же паркѣ бизоновъ и уровъ, ибо вслѣдствіе враж-

---

[1]) *Герберштейнъ*, Записки о Московіи, перев. Анонимова, стр. 168.

[2]) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 306. Примѣчаніе.

[3]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 85.

[4]) *Кулишъ*, Исторія возсоед. Руси, т. II, стр. 450.

дебной антипатіи эти животныя часто дрались бы. Кромѣ того, о турѣ упоминаютъ другіе писатели XVI вѣка, Мартынъ Кромеръ, Туанъ и Іоаннъ Ботеръ, въ своихъ историческихъ и статистическихъ описаніяхъ Литвы [1]).

Писатели XVII вѣка, Генебергеръ, Гарткнохъ, Московій уже смѣшиваютъ зубра и тура и все, относящееся къ зубру, относятъ къ туру, или обратно.

Общій смыслъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ писателей XVI ст. о турѣ состоитъ въ томъ, что въ это время туръ становился рѣдкостью. Его уже оберегаютъ отъ истребленія, содержатъ въ особыхъ помѣщеніяхъ, обязываютъ населеніе извѣстныхъ мѣстностей охранять стада туровъ. Цѣль охраненія туровъ могла быть различной: охота высокопоставленныхъ лицъ, снабженіе лучшими экземплярами королевскихъ парковъ, полученіе изъ кожи убитыхъ туровъ ремней съ суевѣрными врачебными цѣлями. Какъ-бы то ни было, охраненіе тура не спасло его отъ окончательнаго вымиранія, и въ XVII ст. совсѣмъ исчезъ Bos primigenius въ восточной Европѣ.

Герберштейнъ и Блэзъ де Виженеръ оставили рисунки тура; рисунокъ Герберштейна, между прочимъ, помѣщенъ въ монографіи Усова о зубрѣ; рисунокъ Блэза де Виженера въ концѣ 2 тома «Исторіи возсоед. Руси» П. А. Кулиша. Голова тура въ рисункѣ Блэза отчасти напоминаетъ голову зубра; рисунокъ Герберштейна, повидимому, вѣрнѣе передаетъ оригиналъ.

II.

Филологическія разысканія о турѣ.

Въ санскритскомъ sthira—быкъ, въ смыслѣ прилагательномъ обозначаетъ понятія крѣпкій, сильный, неподвижный, понятія, такъ подходящія для характеристики быка. Корень слова stha (stare) встрѣчается во всѣхъ арійскихъ языкахъ. Отсюда въ санскр. sthura—сильный человѣкъ, sthaura—сила, sthaurin, sthurin, sthorin—сильная лошадь. Къ этому разряду словъ относятся зендское staora—вьючное животное, осетинское stur—большое животное вообще, готское situr, англ-саксонское steor, styre, древне-верхне-нѣмецкое stiuri,

[1]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 87, 88.

sturi, ново-нѣмецкое stier—волъ, быкъ, названіе, до сихъ поръ напоминающее stark—сильный, крѣпкій. Во всѣхъ этихъ словахъ ясно обнаруживается опредѣленіе животнаго по силѣ, какъ главному качеству его.

Въ разныхъ языкахъ въ глубокой древности уже обнаружилась потеря начальнаго S. Такъ въ греч. thauros, латинск. taurus, сканд. thior, швед. tiur, датск. tyr, древне-слав. тоуръ, русск. туръ.

Любопытно, что эти арійскія названія для быка, домашняго или дикаго, встрѣчаются у народовъ семитическихъ: халдеевъ tora, сирійское tauro, араб. thavr. Трудно опредѣлить, въ какомъ отношеніи находится эта группа семитическихъ словъ къ арійскимъ наименованіямъ быка. Можно думать, что въ данномъ случаѣ заимствовали семиты [1]).

Въ славянскихъ языкахъ встрѣчается одна форма названія туръ, безъ начальной s [2]).

Нѣмецкое названіе для тура ur, urox производятъ отъ общаго ведическаго названія быка и коровы usra. Это слово обозначало лучъ, свѣтъ и быковъ съ шерстью красноватаго оттѣнка. Среднее s могло ассимилироваться слѣдующему затѣмъ въ usra r. Странно, однако, что животное чернаго цвѣта получило наименованіе отъ слова, означающаго красный цвѣтъ, и этой несообразности не устраняетъ предположеніе Пикте, что основной смыслъ слова usra былъ потерянъ германцами и кельтами [3]). Любопытно, что у славянъ слово оуръ въ древности имѣло совсѣмъ особое значеніе, именно означало героя, доблестнаго воина, богатыря. Такъ, въ одной древней болгарской рукописи, заключающей въ себѣ переводъ греческихъ сказаній о троянской войнѣ, находятся выраженія: грѣцкыѫ воеводы и саракинстіи оурове, царѣ и оурове гръцстіи» [4]).

У сербовъ и хорватовъ туръ извѣстенъ былъ подъ названіемъ «дивій волъ» [5]), напоминающимъ малорусскій эпитетъ тура—оленя «дивное звѣря». Положеніе слова туръ въ малорусскомъ языкѣ неизвѣстно. Лексикальная сторона малорусскаго языка почти со-

---

[1]) *Pictet*, Les origines indo-europeennes, т. I, стр. 397.
[2]) *Miklosich*, Lexicon palaeoslavico—gr.—latinum, 1015.
[3]) *Pictet*, Les origines, т. I, стр. 339.
[4]) *Miklosich*, Lexicon palaeoslavico—gr.—latinum, 1063.
[5]) *Linde*, Słovnik, V.

всѣмъ неизслѣдована. Съ словомъ туръ сходны многія областныя великорусскія слова; но въ большинствѣ случаевъ это сходство случайное. Нѣтъ основаній, ни филологическихъ, ни логическихъ, связывать слово туръ съ такими словами, какъ турлыкать (напѣвать, чаще курлыкать; слово звукоподражательно «журавли курлыкаютъ»), турусы (пустословіе), турухтанъ (драчунъ куликъ, tringa pugnax), туркотъ (порода голубей, слово звукоподражательное отъ турчать). Можетъ быть, въ родственной связи съ туромъ находятся слова: турить, турнуть (тамб., костром. и др.) въ значеніи гнать, туркій (нижегор.) въ значеніи быстрый, туровить (волог., перм.) въ значеніи торопить, туровый (волог., новг.)—скорый, быстрый, турлукъ (рязан.)—частоколъ, плетень, турыкала или турыбала—охотникъ про себя, турыбала (тверск.)—неловкая, неуклюжая баба, турышко (волог.)—ведерце, туръ или турокъ (арханг.)—печной столбъ, коего окончаніе, или нога, расписывается пестро красками. Послѣднее слово встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ сѣвернаго края, напримѣръ: туру ногу пишетъ[1]).

Народъ часто даетъ названіе одного животнаго другому, когда перваго животнаго нѣтъ въ той мѣстности, гдѣ живетъ другое, но гдѣ первое животное было нѣкогда и воспоминанія о немъ сохранились. Такъ, неизвѣстно, къ какому виду рода cervus относилось исчезнувшее слово елень. Измѣнившись въ елень, оно относится къ двумъ разнымъ животнымъ, именно: на Сѣверѣ и въ Сибири оленемъ просто называется Cervus tarandus, сѣверный олень (эпитетъ сѣверный приданъ зоологами); на югѣ Россіи оленемъ называютъ Cervus claphus. Эти два вида животныхъ въ Россіи сходятся только въ одномъ мѣстѣ, именно Сибири, и тамъ тотчасъ же оба вида пріобрѣтаютъ два различныя видовыя названія; за первымъ остался олень, второй получилъ названіе изюбръ. Названіе серна также относится къ двумъ различнымъ видамъ, даже разныхъ семействъ, именно: серною называютъ козулю, Cervus capreolus, и собственно серну Capella rupicarpa. Подобный же переносъ названія съ одного животнаго на другое обнаруживается въ словѣ туръ. Гдѣ не сходились Bos primigenius и Bison curapaeus, названіе тура могло отно-

[1]) *Даль*, Толковый словарь, т. IV, стр. 406; *Дополненія* къ нему, изд. Акад. Наукъ.

ситься къ тому и другому; тамъ же, гдѣ оба вида сходились вмѣстѣ, напр. въ Литвѣ и Польшѣ, тамъ явилось и два видовыхъ названія: туръ и зубръ [1]). На Кавказѣ туромъ называется дикій, каменный или горный баранъ, capra caucasica. Ученые туромъ назвали большаго жука, оленя или рогача [2]). Въ Литвѣ растеніе Hierochlea borealis называется зубровкой и туровкой [3]).

III.

Туръ въ личныхъ именахъ.

Извѣстно, что у народовъ, непросвѣщенныхъ христіанствомъ, личныя имена происходятъ отъ названій предметовъ физическаго міра, преимущественно названій растеній и животныхъ. У дикихъ и варварскихъ народовъ, напримѣръ, американскихъ индѣйцевъ, обычны личныя имена Волкъ, Лисица, Змѣя и т. п. Несомнѣнно, славяне въ языческую пору также употребляли названія растеній и животныхъ для обозначенія людей, какъ личныя имена. Замѣчательнымъ переживаніемъ служатъ сохранившіяся у сербовъ и болгаръ личныя имена по растеніямъ и животнымъ, напримѣръ, имя извѣстнаго сербскаго этнографа Караджича Вукъ, т. е. Волкъ. У болгаръ въ настоящее время встрѣчаются слѣдующія личныя имена по растеніямъ: Босилко (мужское) и Босилка (жен.), Вишнѐ (муж.) и Вишна (жен.), Врьбанъ (муж.) и Врьбана или Верба (жен.), Гроздѐ (муж.) и Грозда или Гроздана (жен.), Данко или Дѧбко (муж.), Лозана (жен.), Цвѣтанъ (муж.) и Цвѣтана или Цвѣтка (жен.), Билина, Дафна (греч. лавръ), Дуля (груша, айва), Карамфила (турец. гвоздика), Маслина (въ западной Болгаріи), Ружа, Ракита, Трендафила (греч. роза), Чиреша—все женскія личныя имена, и слѣдующія личныя имена по животнымъ, исключительно мужескія: Влѧко, Волко, Влѧчо, Влѧчанъ, Вѧко, Куртъ (турец. волкъ), Меца и Мечка (медвѣдь), Паунъ, Павлинъ, Рако, Славей. Въ западной Болгаріи встрѣчается женское личное имя Зазуля [4]). Въ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчается слово туръ въ значеніи юнака, богатыря, Туре Влахине богатырь

---

[1]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 92—93.

[2]) *Даль*, Толковый словарь, т. IV, стр. 406.

[3]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 92.

[4]) *Каравеловъ*, Памятники народ. быта болгаръ, т. I, стр. 1861.

Волохъ, соотвѣтственно съ буй туръ Всеволодъ въ «Словѣ о Полку Игоревѣ».

Въ русскихъ лѣтописяхъ находятся указанія, что въ древній періодъ русской исторіи русскіе славяне имѣли личныя имена, произведенныя отъ названія животныхъ и, въ частности, тура. Въ первоначальной лѣтописи подъ 980 г.: Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ, а Туры въ Туровѣ, отъ него же и Туровци прозвашася»[2]). Основателемъ Турова дѣйствительно могъ быть князь Туръ, согласно съ обычаемъ называть города по имени основателей. О древности этого обычая можно судить по тому, что на первыхъ страницахъ первоначальной лѣтописи уже встрѣчаются города Владиміръ, Ярославль, Святополчь, Борисовъ. Основателемъ Турова могъ быть князь славянскаго происхожденія. Въ лѣтописи встрѣчаются несомнѣнно русско-славянскіе люди съ личнымъ именемъ Туръ. Такъ въ лѣтописи, приписываемой Нестору, или первоначальной, подъ 1097 г. упоминается владимірецъ Турякъ. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1208 г. упоминается Петръ Туровичъ. Бо́льшаго довѣрія заслуживаетъ, однако, другое предположеніе, что основателемъ Турова былъ варягъ, по имени Туръ, землякъ упоминаемаго рядомъ съ нимъ Рогволода. Нужно думать, что воинственные варяги любили личное имя по сильному быку, туру. Слово Туръ было довольно обычнымъ въ именахъ варяжскихъ. Оно встрѣчается въ именахъ нѣсколькихъ варяжскихъ дружинниковъ въ договорѣ Игоря съ греками 945 года, какъ-то Турдовъ, Турбидъ, Турбенъ, отъ скандинавскаго thior, швед. tiur. На народномъ славянскомъ языкѣ какой-либо Турдовъ или Турбидъ обращался въ Тура. Вообще, въ этой области личныхъ именъ славяне сходились съ норманнами, такъ какъ названія тура у тѣхъ и другихъ были почти тождественны въ фонетическомъ отношеніи.

Какъ извѣстно, русскій народъ уже въ древности, XII и XIII ст., оставилъ старинныя личныя имена по растеніямъ, животнымъ или нравственнымъ качествамъ и принялъ всецѣло личныя имена святыхъ, почитаемыхъ православною церковью, безъ различія отъ степени ихъ извѣстности или благозвучности.

---

[1]) *Лѣтопись* по Лавр. сп., 1873, стр. 74.

Въ настоящее время встрѣчаются фамильныя прозванія Туровъ, Туренко, Туранскій, Туринскій и т. п. Весьма сомнительно, чтобы въ основаніи ихъ лежало названіе животнаго тура, давно уже вымершаго.

IV.

Туръ въ мѣстныхъ названіяхъ.

Мѣстныя собственныя имена, происшедшія отъ тавра—тура, указываютъ, въ какихъ мѣстностяхъ водились туры въ большомъ количествѣ. Слово таврусъ встрѣчается во многихъ мѣстныхъ названіяхъ греческихъ и римскихъ. Къ этому разряду мѣстныхъ собственныхъ именъ принадлежатъ наименованія: Таврида, Taurasia или Augusta Taurinorum, нынѣ Туринъ въ сѣверной Италіи, Таврополіумъ—храмъ Діаны на островѣ Икаріи, Taurunum—городъ въ нижней Панноніи, нынѣ Бѣлградъ [1]). Нельзя не признать, однако, крайнимъ произволомъ сваливаніе въ одну кучу и пріуроченіе къ туру всѣхъ наименованій странъ и народовъ, гдѣ только слышится слово туръ или сходное съ нимъ,—сваливаніе, замѣтное въ Словарѣ Ходаковскаго [2]), въ книгѣ «Божества древнихъ славянъ» г. Фаминцына и въ особенности въ статьѣ г. Безсонова «Мнимый туранизмъ русскихъ», напечатанной въ «Чтеніяхъ москов. общ. ист. и древ. россійскихъ» (1885 г., кн. II). Древній народъ ады или уты и туръ—это два кита, на которыхъ держится вся филологія, этнографія, этнологія и археологія г. Безсонова. У г. Безсонова туръ переплетается съ тигромъ, этрусками, тюрингенцами, буй-туръ «Слова о Полку Игоревѣ» отождествляется съ британскимъ Артуромъ, и все это сводится къ туру (стран. 101); кентавръ—коне—туръ (101); этруски, туррены, туссагеты, туринги, тирольцы, турки, по словамъ г. Безсонова, «конечно изъ помянутаго тура». Мало того: «имя татаръ, продолжаетъ г. Безсоновъ, редупликація или удвоеніе корня тр, являющагося уже въ извѣстныхъ намъ наименованіяхъ: тигръ, туръ, тавръ» [3]). Сравнительная славянская филологія и мифологія все терпитъ. Въ этой области, загроможденной всякаго рода

---

[1]) *Кронебергъ*, лат.-рус. словарь, стр. 523.

[2]) *Погодинъ*, Русск. историч. сборникъ, 1844 г., т. VII.

[3]) *Чтенія* въ общ. ист. и древ. росс., 1885 г., т. II, стр. 110.

хламомъ, весьма полезной является строгая и суровая критика, въ родѣ уничтожающей рецензіи проф. Будиловича въ Журналѣ министерства народоднаго просвѣщеніи на «Славянскій міръ» генерала Риттиха.

Слово туръ входитъ во многія славянскія мѣстныя названія. Такъ сюда относятся словинскія: Турье, Турякъ, Турянци, Турья Глава, хорватскія: Турини, Туряньско, Туропольe, Туриново село, сербскія: Турія, Турье, Турица, Туряке, чешскія: Туржи, Тура, Турице, Туровъ, Турова, Туровецъ, Туровище, Туровка, Турско, Турна, Тура луна, Турополе, польскія: Туръ, Туржецъ, Туры, Туржа, Туржынъ, Туревъ, Турово, Туровице, Туростово, Турова воля, Турже поле [1]). Въ Великороссіи находимъ мѣстныя названія: Тура (рѣчка въ лух. уѣз. костр. губ.), Турья (рѣка въ серп. уѣз. моск. губ.), Туринино (село въ калуж. губ.), Турово (село въ твер. и въ новгор. губ.), Тураево (село въ калуж. губ.), Турова (село въ яр. губ.), Волотуръ (тул. губер.), Верхотурье (перм. губ.) [2]). Туръ-озеро (въ кур. губер.), Туриково (въ костр. губ.), Туромша (въ ряз. губ.), Туренка (рѣка въ тул. губ.), Туровскій лѣсъ (въ ряз. губ.), Турская (село въ новг. губ.), Итурова пустошь (въ новг. губ.), Отурицы (въ новг. губ.), Обо-Турово (въ костр. губ.), Оботуринъ (рѣка въ твер. губ.), Туровское озеро (въ костр. губ.), Туренка (рѣка въ орл. губ.), Туровская (въ тамб. губ.), Туровъ логъ (въ кур. губ.). По замѣчанію Ходаковскаго, «обыкновенно являются сіи названія при нашихъ городищахъ» [3]).

Въ западной и юго-западной Россіи, въ Галиціи и Польшѣ сохранилось много мѣстныхъ названій, произведенныхъ отъ тура. Эти страны, въ особенности Литва и Волынь, въ древности были покрыты дремучими лѣсами, отчасти сохранившимися до настоящаго времени, и тутъ, нужно думать, водилось много туровъ и зубровъ. Такъ, въ волынской губерніи находимъ Турьи горы, въ кремен. уѣз., подъ Городищемъ, въ Загайцахъ, Турье поле, во владим. у., подъ Городищемъ, что въ Зимнѣ, Турійскъ, Туря (притокъ р. Припети). Въ кіевской губ. Турія, Турова божница. Въ черниговской

---

[1]) *Miklosich*, Die slavlsch. Orstnamen, т. II, стр. 110.

[2]) *Фаминцынъ*, Боги славянъ, т. I, стр. 233.

[3]) *Погодинъ*, Русск. истор. сборн., т. VII, стр. 375.

губ. р. Турья, притокъ Снови. Въ Галиціи Турочки, Тураньско[1]). Названіе рѣки Стырь, можетъ быть, происходитъ отъ слова туръ, въ готской его формѣ stiur, древне-нѣм. stiuri, sturi[2]).

Отраженіе тура въ мѣстныхъ названіяхъ не представляетъ хронологическаго интереса. По этимъ названіямъ нельзя опредѣлить время исчезновенія тура въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мѣстныхъ названій могли возникнуть отъ личнаго и фамильнаго прозванія перваго поселенца, причемъ самое прозваніе могло на нѣсколько столѣтій пережить тура, отъ котораго первоначально произошло. Во всякомъ случаѣ многія мѣстныя названія, произведенныя отъ тура, возникли въ глубокой древности и встрѣчаются уже на первыхъ страницахъ древней лѣтописи. Городъ Туровъ кіевской области, нынѣ село Турово минской губ., встрѣчается подъ 980 г. Подъ 1097 г. упоминается Турійскъ, гор. владимірской обл., нынѣ мѣст. волынской губерніи на рѣкѣ Турьѣ. Подъ 1146 г. упоминается Турова божница близъ Кіева; подъ 1283 г. село Турово курской области. Городъ Туръ на рѣкѣ Нѣманѣ упоминается въ числѣ древнихъ городовъ литовскихъ.

Нѣкоторыя мѣстныя названія отъ тура могли возникнуть потому, что, какъ мы уже видѣли, на обязанности жителей нѣкоторыхъ селъ лежало охраненіе этого животнаго[2]).

V.

Туръ въ малорусскихъ поговоркахъ.

Поговорки бываютъ разнаго рода. Однѣ поговорки вышли изъ пѣсенъ, и въ пѣсняхъ нужно искать ихъ полнаго значенія. Другія поговорки представляются результатомъ простаго наблюденія надъ міромъ физическимъ и имѣютъ самостоятельное происхожденіе и самостоятельную цѣну. Малорусскія поговорки о турѣ принадлежатъ къ послѣднему разряду поговорокъ народныхъ. Онѣ не повторяютъ пѣсенныя выраженія, пѣсенныя характеристики тура, а прибавляютъ къ нимъ новыя, оригинальныя черты народной наблю-

---

[1]) Тамъ же, стр. 343; *Головацкій*, Пѣсни, т. I, *Фамицынъ*, т. I, стр. 233.

[2]) *Pictet*, Les origines indo-europeennes, т. I, стр. 336.

[3]) *Лѣтопись* по Лавр. сп., 1872 г., стр. 74, 258, 457; *Фамицынъ*, стр. 233; *Барсовъ*, Матеріалы, стр. 202.

дательности и народныхъ воспоминаній объ этомъ животномъ. Малорусскія поговорки о турѣ немногочисленны; но онѣ любопытны и цѣнны по вѣрной характеристикѣ тура въ главныхъ, существенныхъ его свойствахъ.

1) Гримъ такій, що хочъ туры гони, такъ не почують (Волынь).

2) Леминтъ такій, или глухе таке, що хочъ туры гони, то не почують (тамъ-же).

3) Съ тобою ходити, якъ съ туромъ водитись (варіантъ, якъ съ гованомъ). (Подолія).

4) Баба, якъ туръ (встрѣчается у Илькевича).

5) Звираются, якъ на тура (говорятъ въ Галиціи и Подоліи).

6) Тутъ, туре, грузько (встрѣчается въ рукописи начала XIX ст., заключающей въ себѣ приказки изъ Уманщины).

7) У него натура, якъ у тура (у Илькевича и Войцицкаго).

8) Хорошъ и той пидъ тура (изъ Уманщины).

9) Выгонимъ сирого тура съ луга (у Войцицкаго).

10) Сидитъ, якъ туръ у горахъ (запис. въ Кіевѣ)[1]).

Всѣ эти поговорки народнаго происхожденія; всѣ записаны въ юго-западномъ краѣ и въ Галиціи, и это обстоятельство не лишено значенія при рѣшеніи вопроса, гдѣ водились на югѣ Россіи туры и гдѣ они долѣе всего держались. Поговорки вѣрно передаютъ намъ основную особенность тура, его величину, тяжесть и цвѣтъ шерсти. Извѣстно, что цвѣтъ шерсти тура черный, но на спинѣ животнаго шла бѣлая полоска, и потому малорусскій эпитетъ тура сѣрый представляется вѣрнымъ. Въ особенности любопытны 9 и 10 поговорки, указывающія на пребываніе тура въ лѣсахъ Кіевщины и Волыни и на покрытыхъ лѣсами горныхъ отрогахъ Карпатъ въ Подоліи и Галиціи. Данныя о турѣ, находящіяся въ поговоркахъ, подтверждаются малорусскими пѣснями, представляющими нѣсколько новыхъ характерныхъ чертъ тура, точнѣе воспоминаній о турѣ.

Туръ изрѣдка встрѣчается въ малорусскихъ заговорахъ, напримѣръ, въ заклинаніи противъ кровотеченія: «тамъ на горѣ туры орали, красну рожу сіяли»[2])....

---

[1]) *Герберштейнъ*, въ пер. Анонимова, стр. 168.

[2]) *Номисъ*, Украинськи приказки, §§ 562, 645, 2062, 7813, 8587, 13323 13328, 13338, 5296 и 1353.

VI.

Туръ въ малорусскихъ пѣсняхъ.

Въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ или думахъ нѣтъ тура. Въ то время, когда слагались думы, въ XVII ст., тура уже не было въ южной Россіи. Туръ сохранился въ болѣе древнихъ малорусскихъ пѣсняхъ, именно въ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ колядкахъ говорится, что «хорошая жена мыла пеленки или ризы Спасителя на краю Дуная надъ синимъ моремъ и сушила ихъ въ тура на рози»[1]). Здѣсь примѣшался христіанско-легендарный мотивъ о Богоматери. Въ другихъ колядкахъ (напримѣр. Голов. II, 18) рѣчь идетъ вообще о бѣлой кошулѣ, или сорочкѣ славимаго домохозяина.

Одинъ изъ самыхъ обычныхъ, въ высшей степени распространенныхъ пріемовъ народной мысли въ созданіи пѣсенъ состоитъ въ мультипликаціи или увеличеніи числа предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ пѣсни, увеличеніи, большею частію выражающемся въ троеніи предмета. Вмѣсто одной дороги, одной травы, одного богатыря, является три дороги, три травы, три и болѣе богатырей. Повидимому, это формальное явленіе народной поэзіи обнаруживается въ тѣхъ мѣстахъ колядокъ, гдѣ говорится про девять роговъ тура-оленя. Газдынонька, т. е. домохозяйка, смотритъ въ чистое поле:

Ой высмотрѣла дивное звѣрье,
Дивное звѣрье, тура-оленя.
На головцѣ жъ му та девять рожкивъ[2]).

Въ другой галицко-русской колядкѣ зеленая дуброва шумитъ:

Бо въ себѣ чую дивное звѣря,
Дивное звѣря, тура-оленя,
Що на головцѣ девять рожечкивъ,
А на десятомъ теремъ збудованъ,
А въ томъ теремѣ кгречная панночка[3])....

---

[1]) *Ефименко*, Малор. заклинанія, стр. 13.
[2]) *Kolberg*, Pokucie, т. I, стр. 100.
[3]) *Головацкій*, т. II, стр. 48.

Этотъ мотивъ довольно часто встрѣчается въ колядкахъ, и въ сущности въ немъ нѣтъ ничего страннаго, если принять во вниманіе съ одной стороны громадные рога тура, съ другой свойственный народной поэзіи гиперболизмъ, poetica licentia. Извѣстно, что туръ часто смѣшивался съ зубромъ въ сообщеніяхъ иностранныхъ путешественниковъ и, можно думать, въ народныхъ разсказахъ, причемъ нѣкоторыя черты зубра или разсказы о немъ переносились на тура. Герберштейнъ говоритъ: «рога зубровъ большею частію были широки и расположены такъ, что въ промежуткѣ между ними могутъ усѣсться три хорошо сложенныхъ человѣка; этотъ опытъ былъ сдѣланъ, какъ утверждаютъ, королемъ польскимъ Сигизмундомъ, отцомъ нынѣ царствующаго Сигизмунда Августа, который, мы знаемъ, былъ хорошаго и крѣпкаго сложенія, вмѣстѣ съ двумя другими, которые были не меньше его» [1]). Тутъ, очевидно, есть преувеличеніе. Сказка эта тѣмъ болѣе любопытна, что повторяется въ сочиненіи Гуссовіана о бизонтѣ (1523 г.) [2]). Въ старинное время вѣроятно существовали подобнаго рода преувеличенные разсказы о величинѣ роговъ тура, проникшіе даже въ пѣсни. Судя по приведеннымъ колядочнымъ мотивамъ, въ южно-русскомъ народѣ ходилъ преувеличенный разсказъ о громадномъ быкѣ турѣ съ теремомъ на головѣ между рогами, причемъ въ разсказѣ могли быть дополнительныя, не дошедшія до насъ подробности о томъ, кто построилъ теремъ и съ какой цѣлью. Замѣчаніе о томъ, что въ теремѣ находится «кгречная панночка», даетъ поводъ предположить, что весь разсказъ о турѣ съ теремомъ на головѣ былъ пріуроченъ къ извѣстнымъ сказкамъ восточнаго происхожденія о томъ, какъ отецъ оберегаетъ сына или дочь отъ змѣя, колдуновъ, злыхъ людей. Подобнаго рода разсказъ находится въ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Ближайшимъ образомъ могло оказать вліяніе какое нибудь житійное сказаніе или легенда, въ родѣ легенды о св. Христинѣ. Св. Христина, дочь благородныхъ, но нехристіанскихъ родителей, заключена въ башню вмѣстѣ съ 12 служанками и идолами [3]).

«Необходимо помнить, говоритъ А. Н. Веселовскій, что не все миѳическое или кажущееся таковымъ, необходимо древнее, исконное

[1]) *Головацкій*, т. II, стр. 84, 612.

[2]) *Герберштейнъ*, Записки, стр. 167.

[3]) *Усовъ*, Зубръ, стр. 85.

[4]) *Кирпичниковъ*, Греческіе романы въ новой литературѣ, стр. 221.

принадлежащее къ сути того или другаго эпическаго лица или образа, а могло приклеиться къ нему и впослѣдствіи, случайно, и тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше, въ порядкѣ хронологіи или географически, пѣсня или преданіе отошли отъ своего источника. Переселившись на новое мѣсто, оторванная отъ живыхъ корней, пѣсня легче подвергается превращеніямъ, особливо, когда она полюбилась, пришлась къ дому; въ такихъ случаяхъ она не только обростаетъ сказочными и миѳическими подробностями, но пріурочивается наново: захожато богатыря начинаютъ считать своимъ» [1]). Посмотрѣвши съ такой точки зрѣнія на «гречную панночку» малорусской колядки, мы можемъ сопоставить съ ней жену Святогора. Видитъ Илья Муромецъ:

Ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упираетъ подъ облаку ходячую,
На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ,
Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ;
Выходитъ оттоль жена богатырская.
Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ.
Не видано и не слыхано [2]).

По замѣчанію М. Е. Халанскаго, «въ сказаніяхъ о Святогорѣ указано такъ много элементовъ книжныхъ (о сумочкѣ переметной, о смерти Святогора), что вопросъ о литературномъ происхожденіи былинъ объ этомъ богатырѣ кажется близкимъ къ положительному рѣшенію. Замѣчательно, что сами былины не присвояютъ русской землѣ этого богатыря»:

Святогоръ былъ Богомъ данный, не русскій,
И жилъ Святогоръ въ землѣ не русскія [3]).

Другой изслѣдователь былевой поэзіи г. Ждановъ указалъ на связь Святогора съ Самсономъ [4]). И В. Ягичъ и А. Н. Веселовскій также обратили вниманіе на эту связь. Въ былинахъ жена Святогора влюбляется въ Илью и, въ то время, когда мужъ ея спитъ, заставляетъ Илью сотворить съ нею любовь. Въ этомъ отношеніи

---

[1]) *Веселовскій*, въ Запискахъ, Академіи Наукъ, т. 45, стр. 350.
[2]) *Рыбниковъ*. Пѣсни, т. I, стр. 37.
[3]) *Халанскій*, Великорус. былины, стр. 184.
[4]) *Ждановъ*, Къ литер.-ист. рус. былевой поэзіи, стр. 118.

она напоминаетъ коварную и развратную жену Соломона апокрифическихъ сказаній. При всемъ томъ, связь ея съ «гречной панночкой» колядки и Святогора съ туромъ представляется темной, и невольно напрашивается на мысль сначала одно предположеніе, что малорусскія колядки о турѣ и былины о Святогорѣ сложились подъ вліяніемъ разныхъ апокрифическихъ сказаній, затѣмъ другое предположеніе, что былъ одинъ, общій для этихъ колядокъ и былинъ житійный или легендарный источникъ; но при этомъ въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ нужно признать добавочныя наслоенія апокрифическихъ сказаній о Самсонѣ и Соломонѣ.

Въ галицко-русскихъ колядкахъ и свадебныхъ пѣсняхъ сохранились весьма любопытныя воспоминанія объ охотѣ на тура. Въ колядкѣ «гордый молодецъ».

Коня сѣдлае, гадку гадае:
Коню мій сивый, будь ми счастливый!
Поѣдемо жь мы въ чистое поле,
Въ чистое поле, та въ темный лѣсокъ,
За чорнымъ туромъ, за грубымъ звѣромъ.
Та якъ надыбавъ чорного тура,
И спопокъ стрилокъ... [1]).

Въ свадебной пѣснѣ, записанной въ жолковскомъ уѣздѣ:

Въ луженьку калиновомъ
Два дзвоны малесеньки,
Але голосеньки:
Выдзвонили и выголосили
Сѣраго тура зъ луга.

Далѣе слѣдуетъ уподобленіе: бояре жениха Ивана «вымовили Касуню видъ батенька» [2]).

Цвѣтъ тура опредѣленъ въ пѣсняхъ вѣрно. Также совершенно вѣрно опредѣлено любимое мѣстопребываніе туровъ—темные лѣса. Туръ названъ грубымъ, т. е. большимъ и свирѣпымъ. Но самое цѣнное въ свадебной пѣсни—воспоминаніе объ охотѣ на тура. Употребленіе колокольчиковъ, свистковъ, гудковъ на охотѣ вообще въ старину было обычно въ приложеніи къ разнымъ животнымъ.

---

[1]) *Головацкій*, т. II, стр. 69.
[2]) Тамъ же, т. IV, стр. 238.

Польскій писатель начала XVI ст. сообщаетъ описаніе охоты татаръ за сайгой. «Когда, говоритъ онъ, въ какомъ-нибудь полѣ замѣтятъ стадо сайгъ, ханъ или предводитель татаръ съ множествомъ своихъ слугъ выѣзжаютъ верхомъ на лошадяхъ и, скрываясь въ очень высокой травѣ, со всѣхъ сторонъ окружаютъ поле. Какъ только начинаютъ бить въ литавры (timpanis), сайги, объятыя страхомъ, чрезвычайно быстро начинаютъ бѣгать отъ однихъ людей къ другимъ, приходятъ въ изнеможеніе, и тогда татары ихъ убиваютъ»[1]). Нѣчто подобное, нужно думать, продѣлывали на охотѣ за туромъ. Нужно было оцѣпить извѣстное количество лѣса, гдѣ были туры, и шумомъ выгнать звѣря на удобное для охоты мѣсто. Условія охоты могли измѣняться сообразно съ мѣстностью. Въ глухихъ лѣсистыхъ мѣстахъ охота на тура вѣроятно производилась такъ же, какъ и охота на зубра, а послѣдняго рода охота описана Герберштейномъ; рисунокъ охоты на зубра находится въ книгѣ Блэзъ де Виженера. Дѣло происходило такъ. Для охоты выбиралось удобное мѣсто, гдѣ деревья стояли бы въ извѣстныхъ промежуткахъ другъ отъ друга; стволы ихъ должны быть не слишкомъ толсты, чтобы не трудно было ходить около нихъ, и не слишкомъ тонки, чтобы за нихъ могъ спрятаться человѣкъ. У этихъ деревъ располагаются охотники по одному и зубръ, встревоженный преслѣдующими его собаками, выгоняется на это мѣсто и стремительно бросается на перваго попавшагося изъ охотниковъ, тотъ укрывается за деревомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ вонзаетъ въ него охотничье копье. Звѣрь еще не падаетъ, не смотря на сыплющіеся на него удары, но свирѣпѣетъ все болѣе и болѣе, потрясаетъ рогами и языкомъ, который у него такъ шероховатъ и жестокъ, что онъ схватываетъ и притягиваетъ охотника однимъ прикосновеніемъ языка къ его одеждѣ; тутъ онъ уже не оставляетъ человѣка, прежде чѣмъ убьетъ его. Если кто хочетъ отдохнуть, уставши бѣгать кругомъ и бить, то бросаетъ животному красную шапку, которую оно топчетъ и терзаетъ рогами. Когда же кто-нибудь другой захочетъ принять участіе въ этомъ бою, пока еще животное не свалено, что необходимо сдѣлать, если они желаютъ воротиться

---

[1]) *Замысловскій*, Герберштейнъ, стр. 275.

цѣлыми, тотъ легко вызываетъ его противъ себя, крикнувъ хоть одинъ разъ лу—лу—лу (sono barbaro Lululu) [1]).

Вообще въ малорусскихъ поговоркахъ и пѣсняхъ обнаруживается непосредственное и близкое знакомство народа съ туромъ. Самыя пѣсни объ охотѣ на тура относятся къ древнему времени, по меньшей мѣрѣ къ XVI ст., вообще къ тому отдаленному времени южно-русской исторіи, когда туръ былъ обычной дичью. Приведенныя выше галицко-русскія колядка и свадебная пѣсня заключаютъ въ себѣ такія древнія бытовыя черты, что возникаетъ предположеніе о современности ихъ поэтическихъ и бытовыхъ мотивовъ охотамъ Владиміра Мономаха, т. е. о возникновеніи этихъ мотивовъ въ до-монгольской южной Руси.

VII.

Туръ въ великорусскихъ былинахъ.

Туръ встрѣчается почти исключительно въ былинахъ о Добрынѣ и Маринкѣ, въ былинахъ о Василіи Игнатьевичѣ и въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичу. Марина оборачиваетъ Добрыню въ гнѣдаго тура и посылаетъ его въ поле, гдѣ пасутся девять туровъ, все оборотни, изъ прежнихъ жениховъ ея. Когда Добрыня былъ обращенъ въ тура, то былъ всѣмъ турамъ атаманъ [2]). Въ побывальщинѣ Марина беретъ Добрыню за кудри и перекидываетъ его черезъ плече, приговаривая: «Гдѣ былъ Добрыня Никитичъ, тутъ стань златорогій туръ!» [3]). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ Марина говоритъ:

Обверну Добрыню я сорокою,
Обверну Добрыню я вороною,
Обверну Добрынюшку я свиньею,
Обверну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ!» [4]).

и затѣмъ по очередно обращаетъ его въ этихъ животныхъ. Большею частью Добрыня обращается только въ тура.

---

[1]) *Герберштейнъ*, Записки, стр. 167.

[2]) *Кирѣевскій*, Пѣсни, т. II, стр. 47, 57, 58.

[3]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 173.

[4]) *Гильфердингъ*, Онежскія былины, стр. 833.

У ней было въ полѣ тридевять туровъ,
Сбылся въ полѣ тридесятый туръ.
Рожки у тура да въ золоти;
Ножки у тура да въ серебри,
Шерсть на туру да рыта бархата (Гильф., 833).

Въ одномъ варіантѣ (Гильфердингъ, стр. 26) Добрыня туръ топчетъ въ полѣ стада гусиное, лебединое, овечье, коровье и лошадиное, и потому узнаютъ въ немъ богатыря. Въ другомъ варіантѣ (Гильф., стр. 1206) Марина посылаетъ Добрыню—тура «къ турецкому морю», въ третьемъ варіантѣ (Гильф., стр. 1251) «во темные лѣса».

Въ былинахъ о Василіи Игнатьевичѣ туры пріурочиваются къ Кіевщинѣ.

Изъ подъ бѣлыя березы кудревастенькой,
Изъ подъ чуднаго креста Леванидова,
Выходила турица златоругая
Со своими со турами со дѣтушками.
Случилось идти турамъ мимо Кіевъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую... [1])

Въ варіантѣ былины о Василіи Игнатьевичѣ «шли четыре тура златорогіе» [2]).

Въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ туръ упоминается мимоходомъ въ описаніи корабля Соловья, бока котораго были выведены «по туриному» (Гильф., стр. 173, 952, 977). Любопытнымъ представляется лишь слѣдующее мѣсто въ одномъ, рѣдкомъ варіантѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ:

.... бѣжитъ тридцать кораблей,
Тридцать кораблей со единымъ.
Единый корабликъ передомъ бѣжитъ,
Передомъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
Высоко его головка призаздынута;
Носъ—корма была по звѣриному,
А бока сведены по туриному,

---

[1]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. I, стр. 174.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 39.

Того ли тура заморскаго,
Заморскаго тура Литовскаго [1]).

Послѣднія слова въ пѣсни показываютъ, что русскій народъ считалъ тура «заморскимъ» звѣремъ, точнѣе литовскимъ. Положеніе тура въ былинахъ довольно неопредѣленное. Во многихъ варіантахъ былинъ о Добрынѣ и Маринкѣ тура совсѣмъ не встрѣчается; его замѣняетъ лошадь (у Кирѣев., т. II, стр. 43), сѣрый волкъ (у Гильф., стр. 116), жаба (Ib., стр. 1327). Вездѣ туръ называется гнѣдымъ, тогда какъ въ дѣйствительности туръ былъ чернаго цвѣта. Слово гнѣдый означаетъ темно-рыжій цвѣтъ. Повидимому, подъ туромъ былинъ скрывается зубръ, на что указываетъ не только названіе тура литовскимъ, но и постоянный эпитетъ гнѣдой. Еще Аристотель, описывая зубра, замѣтилъ, что у него «шерсть блѣдно-бурая, желтоватая». Цвѣтъ шерсти зубра мѣняется по времени года. Зимой коротковолосыя части тѣла темно-бураго цвѣта; шея и плечи значительно свѣтлѣе съ изсѣра-желтоватымъ налетомъ; конечности темно-бураго, почти чернаго цвѣта. Лѣтомъ цвѣтъ шерсти свѣтлѣе и впадаетъ въ желтовато-сѣрый тонъ. Вообще, зубръ безошибочно можетъ быть названъ гнѣдымъ.

Что представленіе сказателей былинъ о турѣ смутно, видно изъ выраженія «морской туръ», встрѣчающагося въ одной онежской былинѣ [2]).

Предполагая, что основные мотивы былинъ о Добрынѣ и былинъ о Василіи сложились на югѣ Россіи въ до-монгольское время, можно допустить, что въ это время вошелъ въ былины и туръ, и затѣмъ, съ переходомъ былинъ о Добрынѣ и Мяринѣ и былинъ о Василіи Игнатьевичѣ на сѣверъ, обезличился и потерялъ присущія ему природныя черты.

Появленіе тура въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ, можетъ быть, произошло случайно, независимо отъ мѣста и времени возникновенія былинъ этого разряда, на основаніи дѣйствительнаго бытоваго факта. Извѣстно, что скандинавы морскимъ судамъ придавали форму животныхъ. Мы не склонны думать, что былины о Со-

---

[3]) Тамъ же, т. I, стр. 318.

[1]) *Гильфердингъ*, стр. 1327.

ловьѣ Будиміровичѣ выработалась изъ свадебныхъ пѣсенъ [1]) и, опираясь на большую устойчивость былинъ и на многія историко-бытовыя варяжскія черты былинъ о Соловьѣ, придерживаемся стараго, высказаннаго еще Ѳ. И. Буслаевымъ мнѣнія, что въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ сохранилось воспоминаніе о смѣломъ варяжскомъ гостѣ, воинѣ-купцѣ.

Ученыхъ миѳологическаго направленія соблазняли золотые рога тура. Въ народной поэзіи эпитетъ золотой прикладывается къ самымъ разнообразнымъ предметамъ. Такъ, въ малорусской поэзіи съ эпитетомъ золотой встрѣчаются сѣдло, грива лошади, человѣческіе волоса, челнокъ, весло, столъ, ножъ, тарелка, перстень, соха, серпъ и многіе другіе предметы. Большею частію эпитетъ этотъ вообще означаетъ доброкачественность предмета, вмѣсто прозаическаго слова хорошій. Говорятъ-же и въ настоящее время въ интеллигентномъ обществѣ: золотой человѣкъ, золотое сердце, не связывая съ словомъ золотой ничего таинственнаго. Выраженіе »туръ—золотые рога» и происшедшее отсюда выраженіе «златорогій туръ» только показываетъ, что слухъ о громадныхъ рогахъ литовскаго зубра зашелъ на далекій русскій сѣверъ. Нужно замѣтить, что въ народныхъ пѣсняхъ съ золотыми рогами является не только туръ, но и олень. Въ галицко-русскихъ колядкахъ часто встрѣчается только «туръ-олень»; въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчается «бѣлый олень золотые рога» [2]).

VIII.

Туръ въ обрядахъ.

Такъ какъ bos primigenius—туръ оставилъ послѣ себя слѣды въ личныхъ и мѣстныхъ именахъ, въ поговоркахъ и пѣсняхъ народныхъ, то нужно отыскать его еще въ обрядахъ, въ томъ почти всегда вѣрномъ предположеніи, что всякій предметъ, укоренившійся въ народной поэзіи, проникаетъ и въ обряды народные, въ силу внутренней органической связи обряда и пѣсни, происхожденія изъ одного и того-же родника народнаго духа.

---

[1]) *Халанскій,* Великорус. былины, стр. 147.

[2]) *Шейнъ,* Рус. нар. пѣсни, т. I, стр. 448.

Предположеніе это оправдывается въ приложеніи къ туру. Нельзя сказать, чтобы многіе обряды связаны были съ туромъ; напротивъ, число такого рода обрядовъ незначительно, и всѣ они одного характера, сходны между собою по времени исполненія и внѣшнимъ его формамъ.

Въ разныхъ странахъ, въ древнее и новое время, на рождественскихъ святкахъ соблюдается обычай ряженія. Ученые миѳологической теоріи объясняютъ этотъ обычай обряднымъ выраженіемъ перемѣнъ временъ года или языческихъ боговъ. Ученые, придерживающіеся теоріи литературнаго и бытоваго заимствованія пѣсенъ и обрядовъ, усматриваютъ въ святочныхъ ряженіяхъ и маскахъ остатки римскихъ Врумалій. Найболѣе распространено ряженіе козою: это встрѣчается въ Россіи, Болгаріи, Румыніи, Норвегіи, Англіи и Германіи. Къ распространеннымъ принадлежатъ также маски коня и тура: нѣм. Fasnachtschimmel, «бѣсовская кобылка» древнихъ русскихъ колядокъ, «турица» дубровницкой масляницы. А. Н. Веселовскій думаетъ, что «Туръ Сатана» колядскихъ игрищъ, о которомъ говоритъ авторъ Синопсиса, представлялъ животную маску: въ Польшѣ и Галиціи еще недавно водили на святкахъ по домамъ парня, наряженнаго туромъ-быкомъ [1]). Въ львовскомъ Номоканонѣ XVII в. упоминаются языческія игрища Туры. Весенній праздникъ до сихъ поръ называется у славянъ Турище. Въ Галиціи Турицы празднуютъ въ началѣ мая или на Зеленой недѣлѣ [2]). Тоже обыкновеніе встрѣчалось у словаковъ и поляковъ [3]).

Происхожденіе и значеніе обрядныхъ животныхъ или, точнѣе сказать, животныхъ обрядовъ можетъ быть различно. Въ основаніи обрядныхъ представленій животныхъ лежатъ древнія религіозно-миѳическія воззрѣнія народа на природу, или олицетвореніе ея силъ и явленій въ образѣ животныхъ (солнце—жаръ птица, птица веретеница, вѣтеръ—орелъ или соколъ), или въ большинствѣ случаевъ жертвоприношеніе животныхъ богамъ, преимущественно богамъ покровителямъ земледѣлія и брака. Обычай приносить животное въ жертву смѣнился разнообразными символическими и обряд-

---

[1]) *Веселовскій*, Записки Акад. Наукъ, т. 45, стр. 128.

[2]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. слав. на прир., т. I, стр. 664.

[3]) *Miklosich*,, Die Ortsnamen, т. II, стр. 110; *Linde*, Słownik, V.

ными его выраженіями въ быту народномъ. Можно думать, что въ основаніи всѣхъ обрядовъ съ свиньею, косою, бараномъ, пѣтухомъ скрывается древнее жертвоприношеніе богамъ этихъ животныхъ; въ рѣдкихъ сравнительно обрядахъ съ лошадью и быкомъ скрывается или жертвоприношеніе, или символическое выраженіе купли продажи невѣсты.

Обряды съ туромъ, повидимому, имѣютъ особое значеніе. «Грубый звѣрь, черный туръ» не могъ быть жертвеннымъ животнымъ. Нужно думать, туръ въ обрядахъ замѣнилъ быка, корову или козу; другими словами, онъ попалъ въ обряды случайно, изъ цѣлей развлеченія и удовольствія, доставляемаго преувеличеніемъ предмета, гиперболизмомъ, проникъ въ обряды въ тѣхъ именно мѣстностяхъ Европы, гдѣ водился въ значительномъ количествѣ.

Обрядовое значеніе тура преувеличено покойнымъ Аѳанасьевымъ до сверхъ-естественнаго значенія, а г. Фаминцынымъ до значенія божества.

«Въ памяти нашего народа, говоритъ Аѳанасьевъ, сохранились отрывочныя воспоминанія о яромъ турѣ—свѣтломъ, весеннемъ плодотворящемъ быкѣ бога-громовника. Эпитетъ ярый указываетъ на творческія силы весны и роднитъ тура съ именемъ древне-славянскаго божества Ярила (Перуна—плодотворителя)». Въ другомъ мѣстѣ Аѳанасьевъ говоритъ, что «славяне чествовали тура, какъ воплощеніе божества» [1]).

Аѳанасьевъ находитъ, что съ названіемъ тура нераздѣльны понятія о быстромъ движеніи и стремительномъ напорѣ: туровый, туркій, турить и проч. Это вѣрно, но нельзя понять, при чемъ тутъ богъ-громовникъ. Болѣе или менѣе отвлеченныя понятія источникомъ имѣютъ всегда простые предметы внѣшней природы, и понятія о быстромъ движеніи и стремительномъ напорѣ самымъ естественнымъ образомъ могли образоваться отъ «грубаго звѣря», яраго и стремительнаго тура.

Аѳанасьевъ замѣчаетъ далѣе, что народныя «весеннія пѣсни вспоминаютъ Тура—удалаго молодца и соединяютъ его имя съ другими прозваніями Перуна: ой, Туръ-Дидъ-Ладо!» Здѣсь все сомнительно и спорно, начиная отъ пѣсни, откуда взятъ припѣвъ и кончая каждымъ именемъ изъ этихъ трехъ именъ въ припѣвѣ.

[1]) *Аѳанасьевъ*, Поэтич. воззр. славянъ, т. I, стр. 662—663.

Появленіе тура—удалаго молодца въ весеннихъ пѣсняхъ такъ-же легко и просто объясняется, какъ Туре-Влахинче сербскихъ пѣсенъ, какъ буй-туръ Всеволодъ Слова о полку Игоревѣ,—эпитетомъ молодца, по сильному bos primigenius, туру.

Аѳанасьевъ выдвигаетъ затѣмъ мѣстныя названія. «Именемъ тура, говоритъ онъ, народъ окрестилъ многія географическія мѣстности». Это также вѣрно, но снова нужно добавить, мѣстныя названія не имѣютъ значенія для миѳологическаго толкованія обряднаго тура. Какую натяжку допускали иногда миѳологи, видно изъ слѣдующихъ словъ Аѳанасьева: «Особенно любопытны названія озеръ: Волотуръ, Воловье око, Туръ-озеро. На метафорическомъ языкѣ древняго славянина озеро—эта свѣтлая, зеркальная масса воды, заключенная въ округлой рамкѣ береговъ, уподоблялась глазу быка... Такъ какъ съ одной стороны тучи представлялись небесными источниками, а съ другой самое созданіе земныхъ водъ приписывалось Перуну, низводителю дождевыхъ ливней, то очевидно, что въ указанныхъ названіяхъ озеръ кроется языческое вѣрованіе въ происхожденіе этихъ водоемовъ отъ тура громовника» (663). Изъ возможныхъ многихъ объясненій предмета здѣсь ученый избралъ самое затѣйливое и мудреное объясненіе. Гораздо проще предположить, что приведенныя выше названія озеръ произошли по той причинѣ, что вблизи ихъ водились туры, на подобіе того, какъ произошли названія озеръ Лебяжье, Кабанье, Медвѣжье.

Наконецъ Аѳанасьевъ указываетъ на то мѣсто Синопсиса, гдѣ говорится, что «простолюдины» на своихъ законопротивныхъ сборищахъ нѣкоего Тура-сатану и прочія богомерзкія скареды измышляюще—воспоминаютъ», Что разумѣлъ Иннокентій Гизель подъ Туромъ-сатаной, нельзя сказать съ полной точностью. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе А. Н. Веселовскаго, что здѣсь скрывается обличеніе святочнаго ряженія туромъ, ряженія, нѣкогда обычнаго въ Малороссіи и до сихъ поръ сохранившагося въ Галиціи. Самое слово «скареды» указываетъ на святочныя игры, гаданія и переряживанія, съ точки зрѣнія духовнаго лица «богомерзкія».

Г. Фаминцынъ своимъ обширнымъ изслѣдованіемъ «Божества древнихъ славянъ» создалъ цѣлый славянскій Олимпъ и тура также помѣстилъ въ общество боговъ. «Близко родственнымъ Ярилѣ божествомъ, говоритъ г. Фаминцынъ, былъ на Руси и несомнѣнно

акже у южныхъ и западныхъ славянъ Туръ, имя котораго въ первоначальномъ смыслѣ означало быка, представителя бога солнца и обусловливаемаго симъ послѣднимъ плодородія» (стр. 233). Главной фактической опорой г. Фаминцына служатъ мѣстныя названія, въ особенности Турова божница близъ Кіева. Авторъ не допускаетъ предположеній, что названіе церкви могло произойти отъ построенія въ Туровомъ, наполненномъ турами лѣсу, или отъ имени строителя-жертвователя Тура, и полагаетъ причиной названія божество Тура. Фактическія данныя, приведенныя уже Аѳанасьевымъ въ пользу мнѣнія о сверхъ-естественномъ значеніи тура, г. Фаминцынъ увеличиваетъ приведеніемъ нѣсколькихъ пѣсенныхъ выраженій о златорогомъ турѣ, причемъ усматриваетъ въ этихъ выраженіяхъ «солнечную природу Тура» (стр. 237).

Изслѣдованіе г. Фаминцына произвело неблагопріятное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Проф. А. И. Кирпичниковъ въ статьѣ: «Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ славянъ», напечатанной въ CCXLI части Журн. Минист. Нар. Просвѣщенія замѣтилъ: «строго говоря, изъ всѣхъ боговъ русскихъ непоколебимо можетъ вынести критику только одинъ Перунъ» (стр. 65).

Общій выводъ настоящей статьи можетъ быть резюмированъ въ немногихъ словахъ: Bos primigenius, грубый звѣрь—черный туръ существовалъ въ южной и западной, быть можетъ въ средней и сѣверной Россіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка включительно. Какъ животное очень крупное и сильное, на котораго охота сопряжена была съ большими опасностями, и какъ животное, рогами и кожей котораго пользовались для домашнихъ подѣлокъ и съ суевѣрными лѣчебными цѣлями, туръ производилъ сильное впечатлѣніе на мысль и воображеніе народа и вошелъ въ народные обряды, поговорки и пѣсни, сохранившіеся отчасти, въ силу консерватизма народной жизни, до настоящаго времени.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Перевірено 1948 р.

ПРОВЕРЕНО 1994 р.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 8 января 1887 года.

Въ **Петербургѣ** въ книжномъ магазинѣ г. Стасюлевича и въ **Харьковѣ** въ книжномъ магазинѣ г. Полуехтова.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ Н. Ѳ. СУМЦОВА:

1) Князь В. Ѳ. Одоевскій. 1884 г. Цѣна 60 коп.
2) Лазарь Барановичъ. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
3) Іоаникій Галятовскій. 1884 г. Цѣна 80 коп.
4) Иннокентій Гизель. 1884 г. Цѣна 50 коп.
5) Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ. 1884 г. Цѣна 25 коп.
6) Характеристика южно-русской литературы XVII в. 1885 г. Цѣна 40 коп.
7) Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы. 1885 г. Цѣна 40 коп.
8) Обрядовое употребленіе хлѣба. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
9) Іоаннъ Вышенскій. 1885 г. Цѣна 40 коп.
10) Опытъ объясненія пѣсни о Журилѣ. 1885 г. Цѣна 10 коп.
11) О вліяніи греко-римскаго ритуала на малорусскую свадьбу. 1886 г. Цѣна 40 коп.
12) Научное изученіе колядокъ. 1886 г. Цѣна 40 коп.
13) Досвѣтки и посидѣлки. 1886 г. Цѣна 40 коп.
14) Коломыйки. 1886 г. Цѣна 40 коп.
15) Малорусскія пьяницкія пѣсни. 1886 г. Цѣна 40 к.
16) Малорусская географическая номенклатура. 1886 г. Цѣна 40 коп.
17) Мѣстныя названія въ украинской народной словесности. 1886 г. Цѣна 40 коп.
18) Туръ въ народной словесности. 1887 г. Цѣна 40 коп.